

*В.Л.Каганский,
Институт национальной модели экономики*

Реальности регионализации: основные аспекты процесса

Мое выступление представляет собой резюме довольно большого исследования, которое я провожу. Оно посвящено структуре и регионализации советского пространства, поэтому некоторая часть подробной аргументации будет опущена. Вначале два замечания методологического характера.

Во-первых, когда нечто становится политическим символом, оно может обесценить свое содержание. Распад СССР стал как раз таким символом, содержание которого начало обесцениваться. В частности, об этом сложном и долгом процессе говорят как о событии, вдобавок как о событии завершившемся. С какой бы стороны мы ни описывали процесс распада СССР — со стороны структурной, геополитической, экономической, этнической, он еще не завершился, и в определенном смысле не завершится очень долго. А в совсем жестком смысле Со-

ветский Союз, если понимать его не как государственное образование, а как определенную территорию, не распадется никогда. Для таких территорий в географии есть понятие "проблемный регион". Как проблемный суперрегион, Советский Союз, может быть, слегка меняясь в своих границах, может быть, и расширяя свои границы, существовать будет достаточно долго.

Замечание второе, полемическое: сейчас я не хочу вдаваться в различия между реальностью и действительностью, но хочу подчеркнуть, что существует несколько слоев реальности. И тот из них, который находит выражение в политике и публицистике, — это только один аспект, или слой, безусловно, очень существенный, но не единственный, не исчерпывающий. И что, по-моему, самое существенное, это тот слой, который не может быть единственной базой и позицией для исследования. Исследователь обязан считаться с таким феноменом, как политика, но если он целиком погружен в этот слой, то рамка его видения сужается. В той концепции, которая излагается ниже, политика — лишь один из многих феноменов, причем не он объясняет другие, но сам должен объясняться, исходя из большого массива реальности.

Теперь по поводу процесса *регионализации*, частным случаем которого является так называемый распад СССР. (Я использую этот термин за неимением более точного определения, для меня он стоит в смысловых кавычках.) В действительности это, по крайней мере, четыре разных, хотя и взаимосвязанных процесса. 1) Суверенизация структурных, в том числе пространственных компонентов; 2) демонтаж, деструкция вышестоящего уровня; 3) "сборка" компонентов суверенизирующихся регионов, реинтеграция их пространства; 4) перестройка пространственных отношений, как между регионами, так и регионов с Центром.

Наиболее известный из этих процессов — суверенизация структурных компонентов. Структурными компонентами на уровне СССР были союзные республики и структуры центральной власти. Но надо иметь в виду, что структурные компоненты бывают, по крайней мере, двух типов: пространственные и функциональные. Пример второго — военно-промышленный комплекс, вооруженные силы и т.д. В какой-то степени суверенными (их суверенность по-разному оформляется) становятся компоненты обоих типов. Тезис о том, что вооруженные силы бывшего СССР — это шестнадцатая республика — метафора, но она выражает определенную суть дела. Говоря всерьез, СССР распался на еще неопределившееся, неопределенное количество частей. Неопределенное потому, что статус таких частей, как Абхазия, Приднестровье, Крым и т.д., неясен, противоречив и двусмыслен. На сколько и на какие даже чисто пространственные части распался Советский Союз — это довольно сложный вопрос. В частности, поэтому, я думаю, пока не сложились новые политические карты, которые показывали бы, какие реальные части обособились. Характерно, что практические шаги суверенизирующихся регионов практически не

зависят от того, политические силы какой ориентации стоят у власти. Коммунисты, националисты, демократы, оказавшиеся у власти в тех или иных регионах, ведут себя практически неразлично. Особая проблема — взаимосвязь суверенизации пространственно-территориальных компонентов (т.е. собственно регионов) и других компонентов и их частей, особенно предприятий, которые обнаруживают структурное сходство с регионами. (Есть основания утверждать даже, что предприятия и ему подобные структуры — регионы, но не территориального, а базового, социально-экономического пространства.)

Второй процесс — это некоторый демонтаж вышестоящего уровня, его распад в узком смысле. Советский Союз был как бы демонтирован как уровень. Совершенно понятно, что для Советского Союза этот процесс не завершился, остались целостные структуры этого уровня. Например, существующая транспортная сеть. Ее можно, конечно, делить, как все остальное, но совершенно понятно, что транспортная сеть или контроль безопасности воздушного пространства относятся к одному типу централизованных компонентов, а вооруженные силы, атомное оружие — к другому. Демонтаж вышестоящих уровней или демонтаж полномочий сейчас происходит на уровне Советского Союза и на уровне больших республик, прежде всего Российской Федерации, Казахстана и Украины. (По Российской Федерации больше всего информации, по Украине ее меньше, по Казахстану еще меньше, но это отнюдь не значит, что процесс там не идет.) Страны Балтии образуют особый, казусный случай, который надо обсуждать отдельно. Там нет дальнейшей регионализации, идет обычная политическая жизнь. Между тем регионализация как геополитика и одновременно квазиполитика и собственно политика — альтернативны.

Третий компонент, третий аспект — сугубо созидательный и сугубо конструктивный. Я даже готов утверждать, что сейчас на него пришлась основная тяжесть и основная "энергетика" процессов регионализации — это "сборка" компонентов. Понятно, что когда существуют вооруженные силы, система жизнеобеспечения или здравоохранения, или технических стандартов одного государства, а потом все это делится, насколько это возможно, то затем возникает неизбежная проблема интеграции возникших фрагментов. Вот на территориях республик и идет сейчас сборка таких компонентов, причем компонентов разных. Скажем, на Украине в этой сборке участвуют и военно-промышленный комплекс, который оказался на ее территории, а в значительной степени и вооруженные силы. А страны Балтии, наоборот, элементы этого комплекса удаляют. На этом текущем этапе видно, что эффективность сборки предопределяет интеграционное движение регионов, независимо от того, какого рода политические силы стоят у власти. Если удастся осуществить эффективную сборку компонентов, т.е. интегрировать пространство региона территориально и функционально, то регион продолжает су-

веренизацию. Республики, области, края — все это, разумеется, регионы. Если же региону не удастся выстроить и (или) достроить свою функциональную структуру до полной, то начинаются разного рода интеграционные потуги — то, что мы наблюдаем, все эти метания с национальными валютами и новым рублевым пространством. Это доказывает, что очень многое зависит от возможности собрать минимально необходимый набор компонентов. В том числе и вооруженные силы. Но существенно подчеркнуть, что регионализация предстает распадом и дезинтеграцией только на одном уровне — на уровне бывшего СССР. На уровне же собственно регионов происходят прямо противоположные процессы.

Четвертое — это перестройка пространственных отношений, в том числе между регионами и Центром как некий резюмирующий аспект. Здесь существенно отметить, что регионы, по крайней мере, трех больших государств (Россия, Казахстан и Украина) проводят свою собственную внешнюю политику, вступая в союзы с иностранными государствами. Регионы областного ранга обладают своим обычным правом, в частности регламентирующим ношение и использование огнестрельного оружия, проведение этнических чисток, фактическое налогообложение, и т.д. Отсюда вывод, что применимость традиционной, стандартной концепции государства к тому, что происходит на территории бывшего СССР, — проблематична и требует особых обсуждений. Россия — это государство или не государство? Таджикистан — это государство или не государство? Свердловская область — это государство или не государство? Классическая концепция государства ни к одному из регионов на территории бывшего СССР не приложима.

Сказанное — вывод из концепции советского пространства, каким оно существовало до начала перемен. Происходящая геополитическая событийность структурно детерминирована, т.е. возможно и необходимо объяснять происходящие процессы, исходя из той структуры пространства, в которой регионы уже существовали. При всей важности этнических, собственно политических и пр. аспектов, без них можно обойтись при макрообъяснении ситуации.

Согласно концепции, которую я развиваю, если процессы распада Российской Федерации и имеют место, т.е. их можно однозначно описать, то дело не в том, что Россия такая большая и разная (это совершенно очевидно), а в том, что это огромное пространство организовано единообразным образом. В этом смысле сама Россия устроена точно так же, как и ее регионы, что и предопределяет ожесточенность, конфликты, как между разными уровнями региональной иерархии, так и между разными регионами. Ожесточенность конфликта объясняется структурным изоморфизмом конфликтующих регионов разных уровней — они борются ровно за одни и те же ресурсы, прежде всего — ресурсы институциональные. И в этом смысле Советский Союз, Российская Федерация, Грузия, Москва, Свердловская область, Татария как регионы проводят структурно очень сходные

политики. Они проводят их с очень разной эффективностью, с очень разной степенью жесточенности, но они проводят совершенно одинаковые политики, и это можно достаточно корректно описать. И политики эти фундированы самой тотальной структурой пространства.

Регионы потому оказались частями, на которые стало распадаться государственное советское пространство, что они совершенно реальны. Другой такой системы частей, которые совмещали бы в себе признаки институтов государства, притом тотальных по действующей в них программе и реально-жизненной целостности, просто не было. Страна распалась ровно на те части, из которых она состояла. И дальнейшие процессы идут по той же закономерности. В этом смысле советское пространство — *пространство саморасчленяющееся!* Концепция советского пространства и его регионализации, развиваемая сейчас в ходе работы над проектом Интерцентра, и позволяет фиксировать геополитическую феноменологию, обращаясь к фундаментальным структурам устройства пространства. В частности, именно и только из теоретико-географически "отпрепарированной" структуры этого пространства удастся дедуцировать весь набор стратегий, который используют регионы во взаимодействии с надрегиональными структурами, а последние — в борьбе с регионами.

Несмотря на распад СССР и аналогичные процессы, все еще остается огромный проблемный багаж. Этот проблемный багаж надо распаковать. Пока распаковывается проблемная верхушка — то, что имеет статус конфликтов политических, этнополитических и т.д. Далее пойдут конфликты другого рода, в частности экономические конфликты. Даже краткий очерк регионализации останется неполным, если не указать на возможности более содержательных, нежели структурно-пространственных, интерпретаций. Многое в том, что происходит с регионами как институциональными единицами, станет яснее, если представить себе буржуазную революцию регионов, в которой они под лозунгами "свобода—равенство—собственность" выступают против надрегионального Центра, присваивая и захватывая его властно-правовые, силовые и собственнические прерогативы.